

В. А. КУЗЬМИН
Свердловск

Политика империалистических держав на Ближнем Востоке (осень 1937 — осень 1938)

Экономический кризис, поразивший капиталистический мир во второй половине 1937 г., привел к дальнейшему обострению противоречий между империалистическими державами. 5 ноября 1937 г. Гитлер выступил на совещании политических и военных руководителей фашистской Германии с обоснованием программы агрессии: он подчеркнул, что ни автаркия, ни увеличение доли в мировой торговле не могут устранить потребности Германии в расширении «жизненного пространства». «Мы живем в период экономических империй,— сказал он,— когда постоянно проявляется тенденция к колонизации». Гитлер заметил, что серьезная дискуссия о возвращении колоний Германии может состояться только в том случае, если Англия окажется в тяжелом положении, а Германская империя будет сильна и вооружена. Возникновению такой ситуации может способствовать конфликт между Италией и западными державами в Средиземном море. «В целях улучшения нашего военно-политического положения,— сказал Гитлер,— в любом случае военных осложнений нашей первой задачей должен быть разгром Чехии и одновременно Австрии, чтобы снять угрозу с фланга при возможном наступлении на запад». Он выразил уверенность в том, что Англия и Франция втихомолку уже списали со счета Чехословакию¹.

В своем выступлении 5 ноября 1937 г. Гитлер сказал, что в случае вооруженного конфликта Италии с западными державами военные действия между ними будут проходить главным образом в Северной Африке². На возможность такого развития событий указывало и наращивание итальянских войск в Ли-

---

¹ Дашинчев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, т. 1, № 31, с. 123—130.

² Там же, с. 129.

вии, что вызывало растущие опасения в правящих кругах Англии и Франции за судьбу своих позиций в Африке и на Ближнем Востоке. 4 октября 1937 г. военный министр и министр национальной обороны Франции Даладье передал министру иностранных дел Дельбосу информацию, в которой говорилось: «Увеличение оккупационных сил в Ливии отнюдь не мотивировано внутренней ситуацией в этой стране. Его можно объяснить только двумя следующими факторами, которые, впрочем, вытекают из одного и того же намерения акклиматизировать и подготовить к африканской войне наибольшее число соединений; постоянно иметь в Ливии значительные силы, способные немедленно вступить в действие в случае осложнений в Средиземном море»³. В сообщении посла Франции в Ватикане от 10 ноября 1937 г. указывалось, что «концентрация в Ливии крупных сил создает опасность как для Туниса, так и для Египта», а «подписание итало-германо-японского пакта (посол имел в виду присоединение Италии к антикоминтерновскому пакту 6 ноября 1937 г.— В. К.) усиливает недоверие относительно мирных намерений Муссолини»⁴.

Рост угрозы странам Средиземноморского бассейна и Балканского полуострова со стороны держав оси Берлин — Рим вызывал беспокойство и в правящих кругах Турции. К осени 1937 г. александреттский вопрос становится для Турции не самоцелью, а средством давления на Францию. Не только экспансионистские планы в Азии определяли политику Турции, более важные интересы и причины толкали ее к сближению с англо-французским блоком. 1 ноября 1937 г. французский посол в Турции Понсо сообщил на Кэ д' Орсе, что президент Турции Ататюрк вновь заявил, что «в современной международной обстановке истинная дружба является необходимостью» и нужно действовать в направлении «укрепления франко-турецких отношений», которое должно развиваться «параллельно уже достигнутому укреплению отношений с Великобританией»⁵.

22 ноября 1937 г. состоялась беседа французского министра иностранных дел Дельбоса с послом Турции в Париже Суадом Давазом. Турецкий посол заявил, что в Анкаре с глубоким удовлетворением встретили известие о намерении Дельбоса посетить Турцию. Суад сказал также, что к этому визиту можно будет приурочить и заключение соглашения между генеральными штабами Франции и Турции⁶. Министр иностранных дел Турции Арас в беседе с Понсо подтвердил сообщение Суада⁷. Бывший начальник французского генерального штаба генерал Га-

³ DDF, ser. 2, t. 7, N 17, p. 35.

⁴ Ibid., N 216, p. 387.

⁵ Ibid., N 173, p. 301.

⁶ Ibid., N 262, p. 470.

⁷ Ibid., N 316, p. 607; См. также: PRO, FO 371/21935/E2214, Annual Report, 1937, N 75, p. 16.

мелен пишет в своих мемуарах по этому вопросу: «В начале декабря 1937 г. я был предупрежден о том, что меня хотят лично принять в Анкаре, чтобы договориться об условиях, на которых можно будет начать переговоры генеральных штабов»⁸. Однако поездка Гамелена в Турцию не состоялась. Правящие круги Франции в это время больше думали не о франко-турецком сотрудничестве, а о возрождении «фронта Стрезы» с перспективой превращения его в англо-франко-германо-итальянский сговор на антисоветской основе.

Только 7 декабря 1937 г., более чем через год после заключения франко-сирийского договора, турецкое правительство известило правительство Франции о денонсации турецко-сирийского договора о добрососедских отношениях от 1926 г. Но и теперь турки не потеряли надежды договориться с Францией и в той же ноте выражали надежду, что спорные вопросы удастся разрешить во время визита Дельбоса в Анкару⁹.

Вместо Гамелена в Анкару 16 декабря 1937 г. прибыл командующий французскими войсками в Леванте генерал Хюнтцигер, который вел переговоры с начальником турецкого генерального штаба маршалом Чакмаком. В ходе переговоров обсуждался только вопрос об Александреттском санджаке, однако, как сообщал в Париж Понсо, вся турецкая делегация стремилась показать, что Турция «видит в нем возможность более тесного сотрудничества с Францией в Восточном Средиземноморье»¹⁰.

Министр иностранных дел Франции Дельбос, посетив в конце 1937 г. Варшаву, Бухарест, Белград и Прагу, так и не заехал в Анкару. «Я читал в некоторых иностранных газетах комментарии,— оправдывался министр в парламенте, отвечая на запрос депутата-коммуниста Г. Пери,— где этот вояж пытаются представить... одновременно и как признание слабости, и как подозрительное, если не угрожающее, предприятие. Надо ли мне объяснять, что Франция уверена и в себе и в своих друзьях? Она не замышляет никакого заговора, и в этих обстоятельствах, как и в любых других, ее намерения только на сохранение мира»¹¹. Но дела говорили об ином. Не случайно, как отмечает в своих мемуарах Р. Кулондр, бывший тогда послом Франции в СССР, Дельбос, совершая турне по столицам союзников, не включил в их число и Москву, что, «несмотря на всевозможные оправдания, не могло привести к улучшению франко-советских отношений и восстановлению доверия»¹². Поездка Дельбоса в страны Восточной и Юго-Восточной Европы в конце 1937 г. преследовала цель склонить правительства этих стран к уступкам фаши-

---

⁸ Gamelin M. Servir. P. 1946, t. 2, p. 300.

⁹ Известия, 1937, 9 дек.: PRO, FO 371/21935/E2214..., № 75, p. 16.

¹⁰ DDF, ser. 2, t. 7, N 375, p. 764.

¹¹ DP, 1937, t. unique, part 1, p. 2471.

¹² Culondre R. De Staline a Hitler. P., 1950, p. 129.

стскому агрессору¹³. Эта поездка была показателем дальнейшего отхода французского правительства от идеи коллективной безопасности и союза с СССР. Поэтому заявление Дельбоса в парламенте выглядело неубедительно: его поездка была одновременно и «показателем ослабления» французской системы союзов, и «предприятием угрожающим» для интересов международной безопасности.

Точка зрения французских коммунистов по вопросам внешней политики Франции и ее взаимоотношений с арабскими странами получила дальнейшее развитие на IX съезде Французской коммунистической партии, состоявшемся 25—29 декабря 1937 г. В своем докладе Генеральный секретарь ФКП М. Торез говорил: «Важной проблемой нашей политики является отношение Народного фронта к справедливым требованиям колониальных народов. Нужно удовлетворить эти требования прежде всего в интересах самого обездоленного населения Северной Африки, Сирии, Ливана... Это необходимо сделать и в интересах Народного фронта, который должен оправдать возлагавшиеся на него жителями колоний надежды, в настоящее время сильно подорванные. Это необходимо также сделать в интересах Франции, чтобы лишить фашистов возможности демагогическими приемами натравливать против нашей страны некоторые слои колониального населения... Надо положить конец бесправию коренного населения, позволить его представителям занимать государственные должности... В Сирии и Ливане Франция должна перестать покрывать происки фашистов — агентов Муссолини — врагов Франции, Народного фронта, терроризирующих народ, который хочет жить в дружбе с ней. В отношениях с колониальными народами основным лозунгом нашей коммунистической партии остается право на самоопределение, право на независимость. Напоминая высказывание Ленина по этому вопросу, мы говорили уже тунисским товарищам, и они с нами согласились, что право на развод не предполагает обязательный развод. В настоящий момент решающим вопросом является успешная борьба против фашизма. Поэтому колониальные народы заинтересованы в том, чтобы быть в союзе с французским народом, а не занимать такую позицию, которая поощряла бы фашистские авантюры и могла бы, например, привести к тому, чтобы Алжир, Тунис и Марокко оказались бы под пятой Муссолини или Гитлера... Разве создание условий для такого свободного, основанного на доверии и дружбе союза колониальных народов с народом Франции не содействовало бы тому, чтобы Фран-

---

¹³ «Дельбос выехал в Польшу и другие союзные страны не столько в качестве министра иностранных дел Народного фронта, сколько в качестве представителя английских и французских группировок, стремящихся к соглашению с Германией, хотя бы даже ценою больших уступок», — писал в НКВД СССР поверенный в делах СССР в Польше В. Виноградов. — ДВП СССР, т. 20, № 437, с. 646—647.

ция и в этой области выполнила свою роль на международной арене?»¹⁴ Г. Пери, выступая на съезде, также говорил, что Франции необходимо проводить политику, направленную на защиту прав колониальных народов. Он подчеркнул, что без осуществления этого «невозможно говорить о безопасности Франции и о мире в странах Средиземноморского бассейна»¹⁵.

Однако французский империализм пошел по другому пути. Исходя из тезиса о том, что в условиях сложившейся международной обстановки нельзя допускать «ослабления военных позиций Франции в Восточном Средиземноморье», противники Народного фронта и сторонники соглашения с крупной французской буржуазией внутри него всеми силами противились ратификации договоров, заключенных Францией со странами Леванта в 1936 г. Ливанский историк Е. Абушдид отмечает, что в конце 1937 г. сопротивление ратификации договоров с Сирией и Ливаном во Франции «становилось все более сильным»¹⁶.

В начале 1938 г. английские «умиротворители» активизировали усилия в направлении подготовки соглашения с фашистской Италией. 12 января 1938 г. новый постоянный заместитель министра иностранных дел Англии А. Кадоган в документе, направленном на имя Идена, указывал, что если не будет найдено «удовлетворительной» основы для англо-итальянских переговоров, то это лишь укрепит подозрения Муссолини в отношении британских намерений. Результатом этого, указывал Кадоган, было бы усиление антианглийской пропаганды в итальянской прессе, подрывной деятельности в Египте и в арабском мире, усиление оси Берлин — Рим («возможно даже до степени заключения военного союза между Италией и Германией»), возрастание напряженности в Средиземноморье. Кадоган писал, что успешный ход переговоров с Италией не превратит ее сразу в английского союзника, но он выражал надежду, что переговоры с Муссолини «восстановят итальянский нейтралитет». «Более того, — ставит вопрос Кадоган, — разве не будет Германия требовать от нас более высокую плату за свою дружбу, пока мы будем иметь открыто враждебную Италию на своем фланге, чем тогда, когда там будет просто нейтральная Италия?»¹⁷. Фактически, приведенный документ подтверждает вывод о том, что в конечном счете в Лондоне рассматривали переговоры с Италией лишь в качестве средства для заключения соглашения с гитлеровской Германией. Кадоган писал Идену, что премьер-министр Чемберлен «усиленно стремится достичь

---

¹⁴ Торез М. Избр. статьи и речи. М., 1966, с. 103—104.

¹⁵ Цит. по: Дюкло Ж. Мемуары. М., 1974, т. 1, с. 247.

¹⁶ A bouchdid E. Thirty years of Lebanon and Syria (1917—1947). Beirut, 1948, p. 55.

¹⁷ The Diaries of sir A. Cadogan. 1938—1945. L., 1971, p. 34—35.

соглашения... с Муссолини и что он придает этому соглашению исключительно большое значение»¹⁸.

Любопытно отметить, что как раз в это время (31 января) «неизвестная» подводная лодка торпедировала английское торговое судно «Эндимион» в западной части Средиземного моря. 4 февраля 1938 г. был потоплен другой английский корабль. Английское правительство приняло решение возобновить патрулирование в Средиземном море согласно решениям, принятым в Нионе, однако не отказалось от идеи переговоров с Италией¹⁹. Вместо Идена министром иностранных дел был назначен лорд Галифакс²⁰. В Италии отставка Идена была расценена как «новая большая победа дуче»²¹.

Внешнеполитическая линия английских правящих кругов на заключение полюбовной сделки с фашистскими державами постоянно сочеталась с линией на укрепление английских позиций на Ближнем Востоке²². «Что касается Италии,— писал в своем дневнике один из видных военных деятелей Англии генерал Айронсайд,— то ясно, что она перенесла свои интересы на юг — в Ливию и Сицилию... Средиземное море является для нас точно такой же жизненной артерией, как и Суэцкий канал... Захват Италией Абиссинии и усиление итальянских гарнизонов в Ливии сделали наше положение намного более трудным. Однако положение Италии особенно трудное, и мы не должны забывать об ее трудностях. Италия, имея громадные силы в Абиссинии, нуждается в Суэцком канале почти так же, как и мы... Она импортирует по морю все свое сырье, и, по-видимому, для нее нет возможности стать самообеспечивающейся. Она должна импортировать каучук, платину, олово, никель, уголь, хлопок, железо... нефть и шерсть. Незавидное положение. Большая часть этой торговли идет через Гибралтарский пролив или Суэцкий канал; а Турция способна перекрыть все поступления нефти из Румынии или России... Для того чтобы Италия смогла облегчить свое положение, она должна вытеснить нас из Средиземного моря или же подружиться с нами...»²³ Учитывая первую из этих двух возможностей, Айронсайд обращал внимание на то, что имеющиеся в Египте английские войска, сконцентрированные в зоне Суэцкого канала (две пехотные, одна механизированная, две артиллерийские бригады и один танковый батальон), «незначительны» и слишком удалены от египетско-ливийской границы. Айронсайд отмечал, что на надежность

¹⁸ Ibid., p. 35.

¹⁹ Ibid., p. 43—44, 55.

²⁰ Об отставке Идена см. подробнее: Трухановский В. Г. Антони Иден (страницы английской дипломатии, 30—50-е годы). М., 1974, с. 154—161.

²¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955, т. 1, с. 245.

²² См. напр.: PRO, FO 371/21836, p. 138, 148—1449, 152.

²³ The Ironside Diaries. 1937—1940. L., 1963, p. 44—45. Записки от 7 и 10 января 1938 г.

национальных египетских войск, расположенных вдоль границы с Ливией, нельзя полностью полагаться. Он писал, что механизация итальянской армии в Ливии сделала для итальянцев «не такой трудной, как кажется на первый взгляд», проблему преодоления 200-мильной безводной пустыни при возможном наступлении в сторону Суэцкого канала. «Имеем ли мы достаточное количество войск в египетско-палестинской зоне?» — спрашивал Айронсайд. — Нет. Мы должны иметь больше (войск. — В. К.) как в Египте, так и в Палестине»²⁴. Так считали не только Айронсайд, но и другие военные и политические руководители Англии. В середине января 1938 г. английское правительство приняло решение об увеличении численности британских войск в Египте и Палестине²⁵. Сам Айронсайд был назначен 29 января 1938 г. губернатором Гибралтара. Но фактически это было назначением его на пост главнокомандующего всеми английскими силами в бассейне Средиземного моря²⁶.

Французские правящие круги также опасались возможного совместного продвижения держав оси через Балканы и Средиземное море в Африку и на Ближний Восток. Исходя из этих соображений, комитет национальной обороны Франции еще 8 декабря 1937 г. рекомендовал правительству усилить оборону французских владений в Северной Африке и на Ближнем Востоке, а также принять меры к отрыву Италии от оси путем уступок за счет Испании²⁷. В 1937—1938 гг. Франция навязала Сирии два дополнительных соглашения, расширявших ее военные и экономические позиции в Леванте²⁸. Был расширен бейрутский порт, строились новые аэродромы, усиленными темпами сооружались стратегические дороги²⁹.

Обе империалистические группировки отводили особое место в своих стратегических планах Турции. Она контролировала Проливы, через турецкую территорию проходили железнодорожные линии, связывающие Европу с Азией и Африкой. Турция играла ведущую роль в Балканской Антанте и Саадабадском пакте. С помощью Турции Англия стремилась закрыть путь державам оси через Балканы на Ближний Восток.

Тем временем франко-турецкие отношения оставались неурегулированными; в январе 1938 г. турки сообщили в Париж, что их уже не удовлетворяет предоставление автономии Александреттскому санджаку, фактически они требовали передать

---

²⁴ Ibid., p. 45.

²⁵ Ibid., p. 46—47.

²⁶ Ibid., p. 52.

²⁷ Les événements survenus en France de 1933 a 1945. P., 1948, t. 2, p. 247—254.

²⁸ Новейшая история арабских стран (1917—1966). М., 1968, с. 56.

²⁹ Fabre-Luce A. Deuil au Levant. P., 1950, p. 137—138.

эту область Турции³⁰. 30 января 1938 г. в Женеве состоялась встреча французского министра иностранных дел Дельбоса с турецким коллегой. Р. Арас заявил Дельбосу, что он готов подписать франко-турецкое соглашение о дружбе, но вновь настаивал на том, чтобы подписание франко-турецкого договора совпало с приездом Дельбоса в Анкару. Дельбос ответил, что ему трудно назвать точную дату своего визита в Анкару. Фактически это было дипломатичным отказом Дельбоса приехать с официальным визитом в Турцию³¹. В ходе беседы обсуждались также отношения Турции с Италией и Германией. Было признано, что большое значение для разрядки в Средиземноморье имело бы присоединение Италии к конвенции о Проливах. «Это было бы актом вне оси Рим — Берлин, который заставил бы ее (Италию.— В. К.) войти в соглашение не только с Турцией, но и с Францией и Англией», — отмечалось во французском варианте записи беседы Дельбоса с Арасом. Турецкий министр иностранных дел заявил, что «добрые отношения» между Турцией и Германией «вполне совместимы со всеми соглашениями, которые Турция могла бы иметь с Францией, Англией и даже с СССР». В конце беседы Арас выразил надежду, что «франко-англо-турецкая антанта будет очень эффективной в мусульманском мире». Он сказал также, что соглашения Франции с другими участниками Саадабадского пакта «сослужили бы большую службу» политике французского правительства, в частности в Северной Африке³².

В феврале 1938 г. командующий французскими вооруженными силами в Сирии генерал Хюнтцигер договорился в принципе с правительством Д. Баяра о заключении между Францией и Турцией «договора о дружбе», за этим невинным названием скрывался проект соглашения о военном сотрудничестве Турции с Францией. В случае возникновения войны Турция должна была пропустить через Проливы в Черное море французские военноморские суда, взамен этого Франция обещала уступить ей Александреттский санджак³³. «Если мы придем к соглашению такого рода, французское военное формирование в Леванте приобретет всю свою ценность. Без соглашения (с Турцией.— В. К.) оно очень рискует стать только обузой, быть может даже опасной, в случае войны в Средиземном море», — отмечал генерал Хюнтцигер³⁴. Он также придавал исключительно большое значение военному сотрудничеству французской армии в Леванте с английскими войсками, расположенными в Ираке, Палестине,

---

³⁰ См.: Чемпалов И. Н. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны (1933—1939). Докт. дис. Пермь, 1973, с. 131.

³¹ DDF, ser. 2, t. 8, N 70, p. 150.

³² Ibid., p. 151.

³³ Ibid., N 211, p. 419—421.

³⁴ Ibid., p. 421.

Египте и в зоне Индийского океана в случае войны с державами оси в Средиземноморском бассейне³⁵.

В середине января 1938 г. один из лидеров радикальной партии Шотан сформировал новое правительство Франции. Германский посол в Париже Вельчек сообщил в Берлин, что оно не прочь возродить «фронт Стрезы», однако инициатива в переговорах с Италией всецело находится в руках Англии³⁶. 11 марта 1938 г. Н. Чемберлен сказал: «Мы должны спокойно и стойко продолжать наши переговоры с Италией»³⁷.

12 марта 1938 г. немецко-фашистские войска оккупировали всю территорию Австрии. Аншлюс Австрии изменил обстановку в Центральной и Юго-Восточной Европе в пользу Германии, которая окружила с трех сторон Чехословакию, установила общую границу с Венгрией, Югославией и Италией. Немедленно после захвата Австрии гитлеровцы развернули подготовку к расчленению Чехословакии³⁸. «Преодоление чехословацкого барьера,— пишет Э. Ротштейн,— сделало бы более легким для Германии доступ к мощному источнику бензина — к румынским нефтяным месторождениям. А падение или обход второго барьера — Турции — открыло бы двери к другому мощному источнику — в Ирак и Иран. И это было бы последним этапом на пути в Индию»³⁹. 25 июля 1938 г. был заключен германо-турецкий торговый договор, Турция согласилась увеличить поставки хромовой руды с 65 до 100 тыс. т. Германия обещала предоставить Турции оружие в кредит и отменить ограничения на ввоз турецких товаров⁴⁰. Подводя итог переговорам с турецкой делегацией, руководители германского МИД пришли к выводу, что «Турция, по крайней мере в настоящее время, не решается установить с Германией новые, более тесные отношения»⁴¹, но в Берлине не теряли надежду привлечь Турцию на сторону Германии в будущем.

Окупация Австрии гитлеровскими войсками была осуществлена с молчаливого согласия Англии, Франции и США. Только Советский Союз осудил действия фашистской Германии. 17 марта 1938 г. народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов заявил представителям печати: «Агрессия в центре Европы создает... несомненную опасность не только для

³⁵ Ibid., p. 420.

³⁶ DGFP, ser. D, v. 2, p. 232—233.

³⁷ The Diaries of sir A. Cadogan, p. 61.

³⁸ См.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948, т. 1, с. 99, 107.

³⁹ Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. М., 1959, с. 82. Временный поверенный в делах СССР в Германии Г. Астахов в своем сообщении наркому иностранных дел указывал, что ближайшим результатом захвата Австрии будет «усиление германской активности на востоке, т. е. ... на Балканах и в Турции». — ДВП СССР, т. 21, № 108. с. 160.

⁴⁰ DGFP, ser. D, v. 5, N 546, p. 726; N 549, p. 732—734.

⁴¹ Ibid., N 550, p. 736.

отные граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств и не только для европейских»⁴².

В Лондоне рассматривали советско-чехословацкий и франко-советский договоры как преграду на пути к сговору с державами оси. 24 марта 1938 г. Чемберлен сказал в своем выступлении в палате общин, что английские обязательства, могущие привести к применению силы, распространяются на оборону Британских островов и любой части Британской империи, на помощь Франции и Бельгии против неспровоцированной агрессии. Особо было оговорено, что английское правительство прибегнет к применению силы в случае нападения на Египет и Ирак. При агрессии против Чехословакии, заявил Чемберлен, английские «обязательства не будут действовать автоматически»⁴³. Фактически это было предупреждение Франции, что если она вступит в войну с Германией в силу договоров с Чехословакией и СССР, то она не должна рассчитывать на помощь Англии.

После того как гитлеровская Германия захватила Австрию, английская дипломатия активизировала свои усилия для достижения соглашения с Италией⁴⁴. В ходе переговоров Муссолини наотрез отказался принять какую-либо твердую формулировку, устанавливающую максимальную численность итальянских войск в Ливии. В вопросе о Суэцком канале⁴⁵ итальянцы требовали предоставления им гарантии на право свободной навигации по нему как в мирное, так и в военное время.

16 апреля 1938 г. между Англией и Италией было заключено соглашение, по которому Англия признала включение Эфиопии в состав Итальянской империи. Итальянцы обязались прекратить антибританскую пропаганду в арабских странах. Муссолини обещал вывести итальянские войска из Испании «после окончания гражданской войны». Соглашение подтверждало все старые декларации и соглашения, достигнутые ранее по различным спорным вопросам, включая «джентльменское соглашение» 1937 г. о поддержании статус-кво в бассейне Средиземного моря⁴⁶. 18 апреля У. Черчилль в письме к Идену дал следующую

⁴² Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, с. 20—21.

⁴³ The Diaries of sir A. Cadogan, p. 66. Наиболее дальновидные политические деятели на Западе понимали всю опасность политики поощрения фашистской агрессии для интересов самих западных держав. В частности, У. Черчилль в беседе с Гамелемом 28 марта 1938 г. указывал на необходимость «перестроить группировку сил в Восточной Европе, чтобы преградить немцам дорогу к Черному морю и в Восточное Средиземноморье». — Gamelin M. Servir, t. 2, p. 328.

⁴⁴ DDF, ser. 2, t. 8, N 529, p. 971.

⁴⁵ Следует отметить, что посол Англии в Риме Э. Друммонд (лорд Перт) был одним из английских директоров в правлении компании Суэцкого канала. — См.: The Diaries of sir A. Cadogan, p. 68.

⁴⁶ См. подробнее: История дипломатии. М.—Л., 1945, т. 3, с. 620. Текст англо-итальянского соглашения 16 апреля 1938 г. см.: Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914—1956 by J. C. Hurewitz. N. Y., 1956, p. 216—218.

оценку англо-итальянского соглашения: это, «бесспорно, триумф Муссолини, который получает наше сердечное согласие на укрепление Средиземноморья против нас, на завоевание Абиссинии и на свое насилие в Испании. Наше согласие не укреплять Кипр без «предварительной консультации» причинит много вреда. Все остальное... пустые слова»⁴⁷.

23 апреля 1938 г. по совету американского посла в Лондоне Кеннеди президент Рузвельт одобрил англо-итальянское соглашение⁴⁸. Французское правительство также заявило, что оно «приветствует подписание соглашения»⁴⁹. На Западе по-прежнему рассчитывали повернуть фашистскую агрессию на Восток, против СССР. 25 апреля 1938 г. английский военный министр Хор-Белиша, возвращаясь из Италии, встретился в Париже с генералом Гамеленом. Английский министр сказал Гамелену, что в Риме он «обнаружил большое недовольство Германией даже у Чиано и Муссолини». Хор-Белиша считал также, что гитлеровцы еще не в состоянии вести продолжительную войну против англо-французского блока и что «их амбиции, по крайней мере главные, направлены к европейскому Востоку»⁵⁰. «Мне кажется,— писал У. Черчилль,— что англо-итальянский пакт — только первый шаг. За ним последует попытка состряпать еще более благовидное соглашение с Германией, которое усыпило бы английское общественное мнение и в то же время позволило бы Германии наращивать свою вооруженную мощь и развивать свои замыслы в восточной части Европы»⁵¹. Вместе с тем англо-итальянское соглашение 16 апреля призвано было предотвратить германское продвижение южнее Дуная. В Лондоне благожелательно относились к планам превращения Балкан в сферу влияния Италии, там рассчитывали с помощью Италии закрыть путь Германии через Балканы на Ближний Восток⁵². Поэтому присоединение фашистской Италии в мае 1938 г. к конвенции о Проливах, заключенной в Монтрё⁵³, следует рассматривать как определенный шаг по пути, по которому в Лондоне рассчитывали направить политику Италии после англо-итальянского соглашения 16 апреля 1938 г. Кроме того, это должно было частично компенсировать эвентуальное недовольство турецкого правительства вследствие отказа Англии поддержать идею заключения Средиземноморского пакта⁵⁴. Болгарский историк

---

⁴⁷ Черчилль У. Вторая мировая война, т. 1, с. 261—262.

⁴⁸ The Secrets Diaries of Harold L. Ickes. N. Y., 1954, v. 2, p. 377.

⁴⁹ ДВП СССР, т. 21, примеч. 55, с. 711.

⁵⁰ Gamelin M. Servir, t. 2, p. 318.

⁵¹ Черчилль У. Вторая мировая война, т. 1, с. 262.

⁵² Чемпалов И. Н. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе..., с. 141.

⁵³ Новейшая история Турции. М., 1968, с. 163.

⁵⁴ Несмотря на то что Турция официально выразила свое удовлетворение улучшением англо-итальянских отношений, турецкое правительство с недове-

Л. Живкова отмечает, что после аншлюса Австрии и усиления экономической и политической экспансии Германии в Юго-Восточной Европе «вопрос о защите Проливов для Турции стал намного актуальней»⁵⁵.

В период чехословацкого кризиса летом 1938 г. французское правительство Д. Даладье заботилось не об оказании помощи чехословацкому союзнику, а стремилось упрочить позиции французского империализма на Балканах и Ближнем Востоке. 1 июня 1938 г. министр иностранных дел Франции Бонне обратился к турецкому послу в Париже Суаду Давазу с предложением возобновить франко-турецкие переговоры⁵⁶, 9 июня состоялась встреча Бонне с Давазом, на которой обсуждались вопросы об Александреттском санджаке и проект договора о дружбе между Францией и Турцией. Бонне добивался заключения соглашения о сотрудничестве между генеральными штабами двух стран, турки требовали передачи им Александреттского санджака. Франко-турецкие переговоры в первой декаде июня оказались безрезультатными⁵⁷.

Компартия Франции выступила летом 1938 г. с призывом оказания помощи Чехословакии, привлечения Турции, Сирии и Ливана к системе коллективной безопасности. Выступая в палате депутатов 16 июня 1938 г., видный деятель КПФ депутат парламента Г. Пери призывал к восстановлению доверия между Францией и арабскими народами. Он выступил против сделки между Францией и Турцией за счет арабских стран. Г. Пери предупредил, что если Франция окажется неспособной проводить политику сотрудничества с арабскими народами, то это будет лишь способствовать превращению восточного побережья Средиземного моря в арену фашистской агрессии. Он потребовал незамедлительной ратификации франко-сирийского и франко-ливанского договоров 1936 г.⁵⁸

рием и опасением относилось к стремлению Лондона договориться с Италией. В 1938 г. Турция не отказалась от идеи создания Средиземноморского пакта с участием Англии, Франции, Греции, Югославии, Турции и Италии. Однако Англия, которая прилагала усилия к тому, чтобы оторвать Италию от оси и привлечь ее на свою сторону или, по крайней мере, нейтрализовать ее, не хотела брать на себя дополнительных обязательств в отношении средиземноморских государств. В Лондоне опасались, что осуществление идеи Средиземноморского пакта создало бы ряд затруднений в отношениях с Италией, которая не согласилась бы участвовать в подобном «многостороннем» соглашении.— Ж и в к о в а Л. Англо-турские отношения. 1933—1939. София, 1971, с. 103—104.

⁵⁵ Ж и в к о в а Л. Англо-турские отношения, с. 108.

⁵⁶ На секретном совещании по международным вопросам в генеральном штабе французской армии 1 июня 1938 г. директор политического департамента МИД Р. Массигли откровенно заявил, что «не следует ссориться с Турцией из-за санджака в условиях современной политической конъюнктуры».— DDF, ser. 2, t. 9, N 500, p. 985.

⁵⁷ ДВП СССР, т. 21, № 222, с. 315; Известия, 1938, 2 июня.

⁵⁸ DP, 1938, t. 2, p. 1402—1403.

Правительство Даладые игнорировало призывы и предостережения КПФ, оно добивалось сделки с Турцией за счет Сирии. Позиция Великобритании благоприятствовала туркам. Правительство Англии «опасалось, как бы благодаря мандату Александретта не сделалась французской морской базой, угрожающей британским позициям на Кипре. Оно предпочитало видеть здесь турок, ибо с этого времени решило сделать их союзниками. Операция была тем более соблазнительной, поскольку не требовала никакой жертвы со стороны Англии: издержки понесет Сирия», — писал в своем дневнике верховный комиссар Франции в Леванте Г. Пюю⁵⁹.

3 июля 1938 г. в Антиохии было подписано соглашение между генеральными штабами Франции и Турции, в соответствии с которым территория Александреттского санджака переходила под совместный контроль французских и турецких вооруженных сил⁶⁰. Отныне Франция в этом вопросе, по выражению Г. Пюю, могла «маневрировать, только отступая»⁶¹. На следующий день в Анкаре был парафирован франко-турецкий договор о дружбе, по которому Франция и Турция обязывались не вступать в политические или экономические соглашения, направленные против одной из них, не оказывать помощь третьей стороне в случае ее нападения на одну из договаривающихся сторон и консультироваться друг с другом, если будет нарушен мир в Восточном Средиземноморье⁶². Между правительствами Франции и Турции была достигнута договоренность о том, что во время поездки в Анкару в сентябре 1938 г. Ж. Бонне подпишет франко-турецкий договор о взаимопомощи⁶³. Однако турецкое правительство решило, прежде чем подписывать союзный договор с Францией, проконсультироваться с Англией и настаивало на заключении трехстороннего договора о взаимопомощи между Англией, Францией и Турцией⁶⁴.

Суть франко-турецких соглашений выяснилась не сразу: вначале в дипломатических кругах предполагали, что эти соглашения являются шагом на пути к сотрудничеству Франции и Турции с Советским Союзом. Вест о парафировании франко-турецкого договора о дружбе была встречена в Москве положительно⁶⁵. Газета «Известия» опубликовала статью под названием «Франция и Турция», в которой обращалось внимание на то, что в отличие от англо-итальянского соглашения от 16 апреля 1938 г., расчищавшего путь фашистской агрессии,

⁵⁹ P u a u x G. Deux anees au Levant. P., 1952, p. 49—50.

⁶⁰ Ibid., p. 50; DDF, ser. 2, t. 10, p. 275.

⁶¹ P u a u x G. Deux anees au Levant, p. 51.

⁶² М и л л е р А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.—Л., 1948, с. 190—191. Текст договора см.: DDF, ser. 2, t. 10, N 145, p. 271—273.

⁶³ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 867, л. 33—34; д. 841, л. 43.

⁶⁴ PRO, FO 371/21929/397, p. 81, 89; DDF, ser. 2, t. 11, N 342, p. 517.

⁶⁵ ДВП СССР, т. 21, № 253, с. 351; примеч. 106, с. 724.

франко-турецкий договор по своему духу близок к соглашениям, ранее заключенным Советским Союзом с Францией, Турцией и рядом других своих соседей. «Советская общественность может только одобрить заключение подобного соглашения между двумя государствами,—говорилось в статье,—с которыми Советский Союз сотрудничает в разрешении международных проблем»⁶⁶. Сотрудничество Франции и Турции с СССР в зоне Черного и Средиземного морей вместе с пактами о взаимопомощи между СССР, Францией и Чехословакией могло стать основой системы коллективной безопасности в Европе. Однако надежда на то, что франко-турецкий договор превратится в составную часть системы коллективной безопасности, не оправдалась, в целом правительство Даладье следовало в фарватере английской политики. После заключения англо-итальянского соглашения 16 апреля 1938 г. У. Черчилль писал: «Франции придется пойти по нашим стопам ради собственной защиты, чтобы не отколоться от Англии»⁶⁷. Франко-турецкие соглашения от 3 и 4 июля 1938 г. являлись частью той политики, которую Франция вместе с Англией проводила в Восточном Средиземноморье и на Балканах, они превратились в составную часть мюнхенской политики. Французская пропаганда организовала шумиху вокруг парафированного франко-турецкого договора о дружбе, стремясь представить его как большую дипломатическую победу, означающую поворот в отношениях между двумя странами и полную ориентацию Турции на англо-французский блок⁶⁹.

Германия была обеспокоена парафированием франко-турецкого договора от 4 июля 1938 г. и оценкой, которую давала французская печать этому договору. В Берлине оценивали результат франко-турецких переговоров как попытку привлечь Турцию на сторону Англии и Франции⁷⁰. Генеральный секретарь турецкого МИД Н. Менеменджюглу поспешил заверить германского поверенного в делах в Анкаре Кролля, что между Францией и Турцией лишь возобновлен договор 1930 г. с незначительными изменениями. Кролля в соответствии с германской политикой поощрения тенденций, способных посорить Турцию с западными державами, в своем ответе заявил, что последняя французская уступка ставит турецкое правительство в выигрышное положение, намекая на возможность для Турции довести дело до прямой аннексии Александреттского санджака⁷¹.

В действительности соглашение от 3 июля 1938 г. не разрешило полностью противоречий между Францией и Турцией по

---

⁶⁶ Известия, 1938, 8 июля.

⁶⁷ Черчилль У. Вторая мировая война, т. 1, с. 262.

⁶⁹ Le Temps, 1938, 2. 8.

⁷⁰ Живкова Л. Англо-турские отношения, с. 109—110.

⁷¹ DGFP, ser. D, v. 5, N 551, p. 737.

вопросу об Александреттском санджаке, до создания реального англо-франко-турецкого союза было еще далеко. Франция не хотела окончательно отказываться от санджака⁷². В свою очередь Турция в тот период не собиралась связывать свободу действий на тех условиях, которые предлагали ей обе империалистические группировки. Большое влияние на последующую политику Турции оказали действия английской дипломатии на международной арене, направленные на достижение соглашения с фашистскими агрессорами.

Англия отклонила предложение Турции о заключении англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи. Основной причиной, заставившей английское правительство до поры до времени отказаться от турецкого предложения о тройственном союзе, было опасение помешать начавшемуся улучшению англо-итальянских отношений после соглашения 16 апреля 1938 г. Вместе с тем обострение международной обстановки в Европе в связи с чехословацким кризисом заставило английское правительство оставить открытыми двери для более тесного сотрудничества с Турцией в будущем. 26 сентября 1938 г. министр иностранных дел Турции Арас получил из Форин Оффиса послание, в котором подчеркивалось, что «развитие международной обстановки может сделать это предложение (о заключении англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи.— В. К.) вопросом большой важности и срочности»⁷³.

Английские правящие круги надеялись, что Мюнхенское соглашение и подписанная 30 сентября 1938 г. англо-германская декларация о ненападении и мирном урегулировании спорных вопросов надолго устранили опасность для западных держав. Английский империализм рассчитывал, что после Мюнхена германская агрессия в ближайшее время будет направлена в сторону Советского Союза. В то же время английские правящие круги стремились показать, что в случае совместного наступления держав оси или одной из них через Балканы на Ближний Восток Англия будет упорно защищать здесь свои «имперские» позиции. С этой целью накануне конференции в Мюнхене, 21 сентября 1938 г., английский средиземноморский флот был сосредоточен на своей базе в Александрии⁷⁴.

⁷² Факты, свидетельствующие об этом, привел министр иностранных дел Турции Сараджоглу в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкиным 24 ноября 1938 г. См.: ДВП СССР, т. 21, № 46, с. 647.

⁷³ PRO, FO 371/21929/397, p. 90, 96—97.

⁷⁴ The Diaries of sir A. Cadogan, p. 102.